

НИКОЛАЙ ХОДОВ
ДЕНИС БУТОЧНИКОВ

РАССКАЗЫ

ХУДОЖНИК ЕЛЕНА ДАГОДНОВА

Стукалочка

Однажды вечером, когда мы с Коляном уже собирались спать, к нам в окно забралась Наташка – местная девчонка, наша ровесница. Она частенько заживала к нам с разными бредовыми идеями, после которых нам всегда влетало по первое число. В этот раз у неё созрел план беззлобной, но душераздирающей шутки над председателем нашего колхоза – Анатолием Трифоновичем Дроздом (фамилия у него такая). Идея заключалась в том, чтобы повесить ему стукалочку.

Стукалочка – это очень хитрое приспособление. На нитку, приколотую к раме канцелярской кнопкой, к окну прикрепляется какой-нибудь грузик, например, небольшая гайка. С помощью другой нитки этим грузиком стучат по стеклу. «Достать» стуком можно кого угодно – это уже проверено. А самое главное, поймать злоумышленников очень сложно: незаметная в темноте чёрная нитка может тянуться на десятки метров в удобное укрытие.

Я с самого начала был против этой идеи (мне ещё хорошо помнилось, как нам попало за историю с зубной пастой), но Наташка так настаивала, что я, в конце концов, согласился. Ну, а Коляну всегда было все равно, что делать. Он так и сказал, что может хоть стукалочку вешать, хоть сейчас спать пойти. В общем, после недолгих споров решение было принято, и наша группа начала сбор всего необходимого.

В районе двенадцати ночи мы услышали под окном знакомое мяуканье, больше напоминающее предсмертные всхлипы – это был условный сигнал, издаваемый Наташкой. Мы почти бесшумно (если не считать Колины вопли, крики и ругань, когда он зацепил мягким местом кактус, стоящий на подоконнике) выбрались из дома. Наталья была одета в чёрную куртку и тёмные джинсы, прекрасно маскирующие её в темноте. В ней сразу угадывался профессионал по части проделок, чего не скажешь обо мне, поскольку ночью в своей белой ветровке я очень напоминал одноимённую ворону. После критического осмотра моей внешности меня заставили снять ветровку, а за ней и белую футболку с броской надписью «Теннис» на груди.

– Ну ты даёшь! – прошептал Николай, забрасывая обратно в окно мою одежду.
– Ты бы ещё в простыню обернулся!

Оставшись полураздетым, я чувствовал себя не очень уютно, но моего мнения никто особо не спрашивал, и мы направились к усадьбе председателя.

Добравшись до места назначения, мы с Коляном засели в каких-то кустах, а Наташка с ловкостью ниндзя поползла на разведку. Мы долго ждали, притаившись в кустах, и старались не очень шуметь, шлёпая комаров на моей голой спине. Когда Наталья вернулась, Коля чесал мне между лопаток.

– Всё нормально, лёг спать, – сообщила она, – можно вешать.

И мы направились к еле видневшемуся в темноте дому. Подкравшись к окну, я остался на «шухере», а мои друзья, подтащив козлы для распилки дров и взобравшись на них, принялись подвешивать стукалочку.

Через несколько минут мы опять забрались в свои кусты и, предвкушая предстоящее веселье, потянули за нитку, постучав в окно привязанной гайкой. Стук был отчётливо слышен даже нам. Наверняка его услышал и председатель, поскольку вскоре в окне вспыхнул свет и знакомое нам лицо прижалось к стеклу. Никого не увидев, председатель выключил свет и, вернувшись к окну, вновь стал всматриваться в темноту. Так ничего и не увидев, Дрозд задёрнул штору и улёгся в постель, но в тишине опять раздался настойчивый стук. В ответ на это почти сразу в окнах дома загорелся яркий свет и открылась входная дверь. Озадаченный председатель вышел на крыльцо и негромко спросил:

– Кто здесь?

Ответа не последовало. Настроение у нас резко улучшилось. Мы поняли, что являемся участниками крутого прикола, а бессонная ночь председателя только начинается. Вернувшись в дом, Анатолий Трифонович в задумчивости почесал затылок и, ничего пока не понимая, направился к кровати. Но, не дойдя до неё двух шагов, вновь услышал громкий, настойчивый стук.

– Ах, чтоб тебя! – воскликнул он и кинулся к окну.

Ничего, кроме темноты ночи, он там не увидел. Понимая, что ничего не понимает, Анатолий Трифонович стал тихонечко пятиться задом к кровати, боясь повернуться спиной к окну и вызвать тем самым этот загадочный стук. В тот момент, когда он уже был готов поверить, что странные стуки в окно – плод его усталого воображения и больше они не повторятся, несчастный опять услышал звонкое тук-тук-тук... Председатель снова ринулся к двери.

Периодический стук в окно никак не давал ему добраться до постели. Четыре раза подряд председатель выскакивал на крыльцо с бесменным вопросом: «Кто здесь?», но, не получая ответа, возвращался в дом, чтобы через минуту вновь оказаться на крыльце.

В самый разгар веселья я из своего укрытия заметил, что по тропинке, ведущей к реке, бесшумно скользят души умерших. Удивлённый подобным зрелищем, я толкнул Коляна в бок и указал на тропинку. Тот долго приглядывался и опознал в безмятежных покойных душах нашего соседа Вальку и его друга, которые прямо в ночных рубахах, босиком, явно направлялись на реку за раками. Оставив на некоторое время председателя в покое, мы выбрались из своего укрытия и тихонько передислоцировались к тропинке. Когда от нас до Вальки оставалось несколько шагов, мы внезапно вышли из кустов прямо у него перед носом. От неожиданности он отпрянул назад и налетел на своего друга, который шёл за ним по пятам. Бедолаги так побледнели от страха, что стали белее своих ночнушек, но, узнав нас, они перетрусили ещё больше, потому что Валькина мать запретила ему одному ходить на реку: Вальке ведь только пять лет исполнилось. Конечно, он испугался, что мы всё расскажем его родителям.

– Ну-с, куда идём, молодые люди? Никак раков промышлять? – не спеша начал я свою воспитательную беседу.

Валька звучно шмыгнул носом и низко опустил голову...

Когда моя длинная, нудная речь о вреде ночных прогулок на реку достигла апогея, со стороны председательского дома раздались громкие крики, в которых мы узнали голоса местного участкового Зотова Петра Сергеевича, по прозвищу «Анискин», и его помощника. Мы сразу смекнули, что это председатель позвонил ему по телефону и сообщил о нашем хулиганстве. Старый и мудрый Анискин бесшумно подкрался к дому и устроил неожиданную облаву, надеясь захватить нас врасплох. Могу представить, что было бы с нами, если бы не Валька со своим другом!

У нашего доблестного Анискина был молодой и неопытный помощник-стажёр Павел Лызин, который являл собой пример полной бестолковости и несобранности. Вот и сейчас он сделал что-то не так, это и послужило причиной шума.

– Опять Паша куда-нибудь попал! – заметила Наталья, прислушиваясь к шуму во дворе председателя. – С ним вечно так. Ну и достался же помощничек Анискину!

Позже выяснилось, что он напал на самого Анискина, приняв его за злоумышленника. Понимая, что Валька невольно спас нас от облавы, мы не стали сильно ругать его за ночной поход и отправили домой спать, пообещав ничего не говорить его матери.

Когда всё успокоилось, и Анискин, ругая на чём свет стоит своего помощника, удалился домой, мы снова подобралась к дому Дрозда.

– Пошли спать! – прошептал я. – Хватит судьбу испытывать, а то как бы нам сегодня в кутузку не угодить!

– Ты что, с ума сошёл? Самое интересное только начинается! Ща мы вместо гайки пружину повесим! – воскликнула Наталья и достала из кармана небольшую кроватную пружину.

От неожиданности я аж присел, больно уколов спину об острый сучок.

– А стекло не вышибет? – с опаской спросил Николай.

– А это как дёргать станете. Я вот в запрошлый месяц тётке Марье стекло высадила. Но там пружина поздоровше была и стекло треснутое. Я стучала, стучала, а она – глухая, как пень. Чуть посильнее стукнула, и хлопбысь – нет стекла. Правда, мне кажется, что она и после этого ничего не услышала... А этой пружинкой тоже можно, – и она взвесила её на руке, – если без ума дёргать, но мы же с умом! – успокоила нас Наталья.

Мы опять подкралась к окну председательского дома, и Наташка, взобравшись на козлы, отработанными движениями заменила гайку пружинной. Когда всё было готово, тишину ночи прорезал громкий стук, сопровождавшийся сильным дребезжанием оконного стекла. Бедный Дрозд так и подскочил в своей кровати. Его одеяло слетело на пол, а на лице был написан такой испуг, будто он в

ответе за все грехи человечества. Уже через три секунды, немного успокоившись, он в очередной раз появился на крыльце. Его полная фигура, в одних трусах, картинно вырисовывалась на фоне белой двери.

– Господи, что ж это такое делается-то, а? Никак всю хату собрались развалить, ироды проклятые?! Я вот щас поймаю, все руки-ноги повывёртываю, штаны спущу, и по всей деревне в одних трусах побежите! – пригрозил он, забыв о том, что в данный момент сам стоит в одних трусах. Анатолий Трифонович ещё немного для порядка поорал в темноту и, не услышав ответа, пошёл спать. Но как только он уютно укутался в одеяло и закрыл глаза, за окном вновь раздались знакомые звуки. Отшвырнув подушку в угол, председатель вновь направился к телефону и набрал номер Анискина.

– Да у тебя глюки, Трифоныч, – сонно зевая в трубку, отозвался Анискин, – иди спать. Ради бога, не морочь голову.

– Какие глюки? Они мне сейчас чуть стекло не выбили! – рассердился Дрозд. – Да сам послушай! – и он отслонил трубку от уха, чтобы милиционер убедился сам.

Сквозь шумы и трески Анискин и вправду услышал что-то похожее на стук в окно.

– Ты вот что, Трифоныч, ты там не паникуй, выйди на крыльцо, пройди круг дома, поспрошай, мож кто отзовется, в общем, болвана из себя разыграй, потяни время, а мы сейчас с Пашкой вернёмся.

– Не, лучше без Пашки!

– Ну, добре, буду без Пашки. Ты, главное, время потяни, меня дождись...

А мы в это время продолжали «концерт для председателя с пружиной». Наталья разошлась не на шутку, и я уже серьёзно стал опасаться за окно.

– Пора заканчивать, – вдруг неожиданно сказала она.

– Почему? – не поняли мы.

– Вишь – долго не выходил? Значит, опять Анискину по телефону звонил. Сейчас как появится, так через две-три минуты жди Анискина.

– Голова! – одобрили мы.

И точно, очень скоро появился председатель и как-то наигранно, совсем не зло, стал ругаться и расхаживать вокруг дома. Мы ещё немного постучали для порядка и уже хотели по-тихому сматывать удочки, как Наталья вдруг метнулась в темноту и ящерицей поползла к дому.

– Куда она? – не понял я.

– Стукалочку снимать, – пояснил Колян, – чтобы врагу не досталась!

И точно, как только председатель завернул за угол, она кошкой вскарабкалась на козлы и сорвала стукалочку. Ей удалось вовремя скрыться в спасительных кустах, потому что очень скоро мы узрели Анискина, собственной персоной. Он неожиданно возник из темноты у крыльца и направился к председателю. Через

некоторое время, светя вокруг карманным фонариком, они принялись обшаривать усадьбу.

– Ну, ты молодец! – бросились мы к Наталье, когда она вернулась к нам. – Круто! Прямо спецназ, честное слово!

– Да бросьте вы, ребята, сейчас главное не высовываться, сидите тихо!

Осмотрев весь двор, пошарив по кустам и постройкам, Анискин, никого не обнаружив, предложил идти спать, тем более, что он не очень верил в историю со стуком. Председатель немного поупрямился, но, сознавая, что ему ничего не угрожает, и у него во дворе никого нет, согласился, и тоже направился к своему дому.

– Ну, что теперь, и мы пойдём? – спросил Николай, когда фигура Анискина скрылась в темноте.

– Да ты чего?! Мы ему сейчас три пружины повесим – такой «вечерний звон» устроим – закачаешься! – Наташка порылась в карманах куртки и извлекла оттуда три одинаковых кроватных пружины. Мы с Коляном неуверенно переглянулись. Но наше мнение никого не интересовало – Наташка была убеждена в своей правоте, и поэтому, не глядя на нас, поползла к дому Анатолия Трифоновича.

На подвешивание трёх пружин ушло гораздо больше времени, но нам удалось сделать задуманное. Причём, по рекомендации Натальи, к каждой пружине была привязана своя нитка. Таким образом, они могли действовать автономно, независимо друг от друга.

– Это для мелодичности звона, – пояснила она.

Когда мы отползали назад, разматывая за собой катушки с нитками, Наталья показала глазами на трансформаторную будку, которая возвышалась за оградой председательской усадьбы. В эту ночь я как-то туго соображал и не сразу догадался, что она хочет.

– Что-что! На крышу лезем, если не хотите, чтобы Анискин нас поймал. И вообще, хватит здесь голой спиной отсвечивать! Прикройся вот и не маячь в темноте, – и Наталья протянула мне свою куртку.

Облачившись в неё, я сразу почувствовал себя уютней. Искусанные комарами и исцарапанные кустами плечи и спина перестали зудеть, и у меня появилась дикая тяга пошалить. Умела Наталья угадывать чужие мысли!

Через некоторое время мы взобрались на крышу трансформаторной будки по приделанной к её стене металлической лестнице. Нитки прямо от окна председательского дома, пересекая двор и дорогу, тянулись к нам в руки на высоте трёх-четырёх метров от земли, поэтому увидеть их на фоне ночного неба было просто невозможно. А заподозрить, что злоумышленники, то есть мы, сидят на крыше в ста метрах от председательского дома, не мог даже такой проницательный гений сыска, как Анискин.

И вот, совсем неожиданно, в окно Дрозду постучали. Он так успокоился после ухода участкового, что даже не сразу поверил своим ушам. Однако громкий и настойчивый стук повторился. Начавший было засыпать Дрозд откинул одеяло и, всё ещё надеясь, что это сон, прошлёпал босыми ногами к окну. Прижавшись носом к стеклу, он долго смотрел в темноту. Потом понял, что это ему приснилось, и облегчённо вздохнул. Как только Анатолий Трифонович расправил своё тёплое ватное одеяло и уже собрался нырнуть в мягкие объятия пуховой перины, в окно резко и требовательно постучали. Причём постучал не один человек, а как минимум двое.

– Вот же, чтоб тебя! – Дрозд кинулся к окну, но ничего, кроме звёзд и луны, там не увидел. Отслонившись от холодного стекла, он несколько минут в задумчивости постоял посреди комнаты. Затем, взяв фонарик и охотничье ружьё, вышел во двор. В свете луны нам хорошо была видна его крадущаяся фигура. Анатолий Трифонович обшарил лучом фонарика двор и постройки, а когда остановился возле дома, прямо напротив своего окна, Наталья вновь постучала. От неожиданности председатель даже подскочил! Он никак не думал, что стучать могут даже в то время, когда он находится снаружи. Дрозд выронил двустволку и стал неистово креститься на луну.

Новый громкий стук поверг его в неопишуемый ужас. Председатель взвизгнул: «Нечистая!», бросился в дом, с грохотом захлопнул дверь и задвинул засов.

Поняв, что «враг» в панике, мы разошлись не на шутку. Дёргая каждый за свою нитку, наша компания устроила Дрозду такой «вечерний звон», что даже заправским колокольным звонарям до нас было далеко. И это совсем не значит, что мы долбили, кто во что горазд, у нас получалось что-то вроде мелодии, исполняемой пружинами на оконном стекле.

Перепуганный председатель забился в угол комнаты и дрожащими руками пытался набрать знакомый номер Анискина. Но руки его не слушались – то телефон, то трубка без конца выскальзывали на пол. Холодный пот крупными каплями стекал по лицу и падал на майку, и без того уже мокрую от волнения. В конце концов председателю удалось набрать номер, и после шестого гудка в трубке послышался сонный голос участкового:

– Н-да... Слушаю...

– Пётр Сергеевич, миленький, дорогой! Умоляю, спасите! Это я – Дрозд! Ко мне черти, сволочи, в хату лезут!!!

– Что-о? – не понял Анискин.

– Приходи, миленький! Христом богом прошу! – взмолился председатель.

– Да ну тебя, Трифоныч, в баню!!! Ночь на дворе! Какие черти в наше время?!

– Пётр Сергеевич, дорогой, я ж тебе врать не буду: ей-богу стучат, того и гляди окно разобьют!

Анискин вспомнил про стуки, которые он пытался услышать в телефон, и после небольшой паузы произнёс:

– Ну, пальни в воздух пару раз для острастки... Я разрешаю. Только в воздух, слышишь? – и Анискин, убедившись, что его поняли правильно, положил трубку.

Несколько успокоившись, Дрозд вышел во двор и, освещая себе дорогу карманным фонариком, направился к окну. Он помнил, что где-то здесь бросил своё ружьё, но сейчас не мог его найти. Ружьё исчезло самым таинственным образом прямо с тропинки. Это вызвало новую волну страха у председателя. Он снова задрожал и быстро вернулся в дом.

Откуда ему было знать, что ловкая Наталья, на всякий случай, умыкнула его двустволку и, давась от смеха, сидела с ней в кустах. Когда Дрозд ушёл, она положила её на старое место. Боясь передвигаться по комнате в полный рост, Анатолий Трифонович на четвереньках дополз до телефона. Он вновь дрожащими руками схватился за аппарат и непослушными пальцами попытался набрать номер. Трубку сняли далеко не сразу.

– Да? – опять услышал председатель.

– Пётр Сергеевич, Пётр Сергеевич, ружьё, ружьё пропало!

– Ты чего?! – взбешённо заорал Анискин. – Ты мне поспать дашь сегодня?!

– Я говорю, ружьё пропало! Я на них с ружьём, а оно пропало!

– Как пропало? Чего ты городишь?

– Да вот так – было и пропало!

– А где оно сейчас?

– А я почём знаю? Да у них, у чертей у этих, наверное!

– Каких чертей?

– Которые мне в окно стучат!

– Так они отняли его у тебя что ли? – начал вроде что-то понимать Анискин.

– Да нет, ну, Пётр Сергеевич, приходи, разберись сам, выручи меня, Христом богом прошу, не оставь!

– Тьфу ты, чёрт! – выругался Анискин и пошёл одеваться.

Через несколько минут участковый был у дома председателя. Мы, притаившись на крыше, внимательно наблюдали за ним. Подойдя к крыльцу, Анискин увидел двустволку, лежащую на дорожке. Осмотрев её, он обошел вокруг дома и, не найдя больше ничего подозрительного, постучал председателю в окно. Ответом ему был дикий крик. Первый раз за всю бессонную ночь Дрозду удалось увидеть после стука силуэт человека в окне.

– Да не ори ты, дурья башка! Это я! – сказал слегка обалдевший Анискин.

– Кто – «я»? – не понял Дрозд.

– Кто-кто! Дверь давай открывай! Чего заперся-то? Ружьё твоё посреди двора валяется – никто его у тебя не брал, сам бросил! – проворчал Анискин. – Ты ещё хуже моего Пашки, честное слово!

Дверь со скрипом приоткрылась, и бледный Дрозд с опаской выглянул наружу.

– У тебя посветить есть чем? – спросил Анискин.

Председатель молча кивнул.

– Принеси, сейчас мы тебя от чертей спасать будем.

Анатолий Трифонович растворился в темноте комнаты и вскоре появился снова с фонариком в руке. Вдвоём они принялись осматривать дом и очень быстро подошли к окну, где висела стукалочка. Осветив её фонариком, Анискин сразу понял, в чём заключался весь фокус. Взобравшись на стоявшие рядом козлы, он снял наши пружины и, обнаружив на них нитки, уходящие в темноту, попытался понять, где мы засели. Но это было напрасно, потому что мы по команде Наташки отбросили катушки с нитками далеко в темноту, и найти теперь нас стало просто невозможно.

– Давай козлы в сарай занесём, – посоветовал Анискин, – а то тебе так и будут всю ночь пружины на окно вешать.

Они оттащили козлы в сарай и закрыли дверь на большой висячий замок.

– Иди спокойно спать и ничего не бойся. Я к тебе сейчас Пашу пришлю, чтоб он присмотрел тут, – распорядился Анискин, вручая председателю ключ от запертого сарая.

В это время на крыше трансформаторной будки состоялся короткий военный совет. Боевой запас пружин кончился, и на повестке дня стоял один вопрос: что делать? Наталья выступала за то, чтобы продолжить начатую акцию, предлагая использовать вместо пружины тракторный подшипник (гайка, оставшаяся от первой «стукалочки» казалась ей маловата). Я считал, что уже пора спать, а Колян придерживался нейтралитета. Прийти к единому мнению мы не могли. Наш спор решился только тогда, когда на тропинке, ведущей к дому, появился Паша. Вот теперь ни у кого не оставалось сомнений, что большое ночное шоу только начинается. Даже я, застегнув повыше молнию Наташкиной куртки, почувствовал очередной прилив энергии.

Паша и председатель заперлись в доме. А мы, подождав немного, подкрались к окну и прислушались. Внутри всё было тихо.

– Давай! – скомандовал я Коляну.

– Чего «давай»?! – осадила меня Наташка. – Они козлы спрятали, как ты на окно полезешь?

Не найдя ответа, мы задумчиво переглянулись.

– Лестницу бы какую... – пробормотал я нерешительно.

– Лестницу, лестницу! Где мы тебе лестницу среди ночи найдём? – раздражённо прошептала Наташка. – Ну-ка, быстренько, пошарьте по двору – может найдёте чего, – скомандовала она вполголоса.

Завернув за угол дома, я наступил левой ногой на что-то мягкое. «Что бы это

могло быть?» – пронеслось у меня в голове. Я приподнял ногу и пошарил рукой по земле. Пальцы нащупали аккуратной формы лепёшку, лежащую на траве. Верхняя её часть уже подсохла и образовала твёрдую корочку. А вот внутри, куда провалилась моя нога, она была ещё свежая и издавала характерный запах.

– Тьфу ты, в коровяк влетел! – выругался я шёпотом и стал судорожно оттирать руки о траву. В этот момент до моего слуха донёлся слабый свист. Вытираться дальше уже не было времени, и я пошёл обратно к друзьям. Наталья стояла у большой бочки, предлагая использовать её в качестве лестницы. Бочка до половины была наполнена водой, и они с Коляном решали, вылить её или тащить прямо так.

– Ну да, водищи тут ещё не хватало развести! – прекратил я ненужные, на мой взгляд, дебаты. – Так потащим.

– А вообще, стоит ли городиться? – спросил Николай. – Пускай он ко мне на плечи залезет, может, достанет?

Эту мысль решили проверить, тем более что залезть на плечи казалось проще, чем тащить бочку. Колян присел на корточки, а я, держась за стену, попытался встать ему на плечи. Мы долго кряхтели и ругались, и в конце концов мне удалось залезть на него. Николай стал медленно приподниматься, а я, перебирая руками по дому, пытался удержать равновесие. В самый ответственный момент, как это часто бывает, нас начал разбирать смех.

– Ты чего часы не снял? – в шутку начал Колян. – Мне и так тяжело, а ты ещё в часах!

– Молчи лучше! А то я сейчас влечу к ним в окно, они точно со страху копыта отбросят! – урезонил я его.

– Слушай, а чем это воняет здесь? Прямо никакого спасу нет, как на скотном дворе, даже ещё хуже! – спросил мой друг уже серьёзно.

– А это он носки месяцами не стирает, – подала свой голос Наталья.

– Нет, это я за домом в коровяк наступил, – успокоил я их.

– У, ёлки-моталки! – дернулся Колян всем телом, сбрасывая меня со своих плеч. – Чего же ты раньше молчал?

– А ты меня раньше спрашивал? – отпарировал я.

– О таких вещах предупреждать надо!

– А чё предупреждать? Тебя колышет, во что я наступаю? Сам предложил, чтобы я к тебе на плечи залез, я не возражал!

Наталья покатывалась со смеху.

– Да ну вас! – проворчал Колян. – Пошли лучше бочку тащить!

Через минуту, облепив бочку с трёх сторон и стараясь не очень шуметь, мы поволокли её к окну. Пока я устанавливал её поустойчивей, Наталья послала Коляна найти какую-нибудь доску покрепче, чтобы закрыть бочку сверху и встать на неё. Через полминуты, после несильного, но продолжительного

грохота, появился Колян со здоровенной доской в руках.

– Выдержит? – по-деловому спросил я.

– Посмотрим, – уклончиво ответил он.

Положив доску поверх бочки, Николай с нашей помощью забрался на неё, и когда я был готов протянуть ему подшипник, он обернулся и с досадой прошептал:

– Чего снёшь-то? Я тебе что – дядя Стёпа, что ли? Не видишь – не достаю!

– Залезай и ты, а он тебе на спину встанет, – скомандовала находчивая Наташка.

Потолкавшись на узкой доске и два раза чуть не свалившись с неё, нам удалось провести рокировку, в ходе которой я оказался на четвереньках, а мой лучший друг у меня на спине. Каблуки его сандалий больно впились мне в лопатки и в поясницу. Ругая на чём свет стоит Наталью и её затею, я умолял Коляна, который вдруг стал тяжелее стопудовой гири, не шевелиться на мне лишний раз.

– Да ты сам не дёргайся, – прошипел он в ответ, – я и так тут еле стою! – и он притопнул по мне ногой.

Я дёрнулся и почувствовал, как доска подо мной предательски хрустнула.

Поскольку мне всё равно некуда было деваться, и, желая хоть немножко отвлечься от боли, вызванной непосильной ношей, я решил предупредить своего напарника издалека:

– Ты знаешь, у меня почему-то складывается такое впечатление, что ты выбрал не самую надёжную доску. Скажу тебе больше, она, по-моему, с гнильцой, и в любой момент наша цирковая пирамида может рассыпаться, – прохрипел я из-под Коляна.

– Чего ты там ещё бормочешь? – не понял мой друг и привстал на носки.

От неожиданно сместившегося центра тяжести, не успев ответить, я ойкнул и дёрнулся всем телом. Ответом Коляну был дикий хруст и грохот. Мне удалось ловко увернуться от зияющего чрева бочки, и я попал в неё только одной ногой. Зато Колян, как стоял, так и вошёл в неё солдатиком, выплеснув огромный фонтан воды, который окатил меня с ног до головы. Краем глаза я заметил, как в

комнате опять загорелся свет, и Наталью, бежавшую к нам с огромной дубиной. Я уже было решил, что она сейчас прильёт меня за срыв удачно спланированной акции. Но, пробежав мимо, она подперла палкой дверь. Надо сказать, сделала она это очень вовремя, потому что в ту же секунду дверь попытались открыть изнутри. (Могу представить, как Паша и председатель подпрыгнули в своих постелях после нашего падения!)

– Давай быстрее, чего ты тут разлэгся? – прошипела подоспевшая Наталья. – Коляна из бочки доставай!

Бедный Коля никак не мог выбраться самостоятельно из узкой бочки. Тем более, что он спешил и вообще плохо понимал, как там оказался. У нас с Натальей не хватило сил вытащить его, поэтому я принял радикальное решение: опрокинув бочку, я вытряхнул оттуда своего друга. Не обращая внимание на сильные удары в дверь, мы бросились к трансформаторной будке. Нам интересно было наблюдать, как Паша и Дрозд ломаются наружу. Это было захватывающее зрелище, ведь окна в доме председателя не открывались.

Отдышавшись немного, Наталья повела носом и спросила:

– От кого воняет, ребята?

– Да это же я за домом в коровяк наступил, – в очередной раз пояснил я.

– А я думала, ты шутишь, – пробормотала она, скептически осматривая меня и мой испачканный ботинок. – Лучше бы ты этой ногой в бочку попал! – в заключение констатировала она.

Я не мог с этим не согласиться.

В этот момент я вновь увидел уже знакомые мне безмятежные «души умерших». Они по-прежнему скользили по тропинке вниз к реке.

– Вот так и проводи воспитательную работу с подрастающим поколением. Учишь их, учишь – никакой благодарности! – прошептал Колян, когда я показал ему на тропинку. – Теперь придётся слезать и повторять прописные истины, что дети должны спать по ночам, а не шляться где ни попадя!

Уже через минуту мы неожиданно возникли из предутреннего тумана прямо перед носом у Вальки и его друга. Бедные дети были так напуганы, что, казалось, сейчас упадут в обморок. Они ожидали встретить здесь кого угодно, вплоть до привидения (маленьких зелёных человечков, инопланетянина), но только не нас. Действительно, увидеть нашу троицу второй раз на одном и том же месте да ещё с таким разбросом во времени – нужны крепкие нервы, ведь не сидим же мы всю ночь под одними и теми же кустами, в самом деле!

– Вы нас здесь нарочно стережёте? – выдавил из себя Валька, когда немного оправился от первого шока.

– А ты как думал?! – ответил я. – Ведь тебе нельзя верить. Обещал больше не ходить на реку, а сам – опять за своё?

– А что это с вами? – спросил Валькин друг, разглядев нашу мокрую одежду.

– Чего, чего! В росе вымокли, пока вас сторожили! – нашла Наталья. – А ну, брысь домой! И помните: только вы подумаете на реку пойти, а мы – тут как тут, уже ждём вас. Так что лучше и не пытайтесь! – и она, развернув Вальку кругом, слегка подтолкнула его к дому.

Тем временем в доме председателя Паша набирал номер Анискина. После продолжительных гудков он услышал мрачный голос начальника:

– Да?

– Товарищ капитан, докладывает Павел Лызин. Нас тут заперли, товарищ капитан!

– Чего-о-о? – который раз за эту ночь переспросил Анискин.

– Заперли, товарищ капитан. Блокировали входную дверь подручными средствами.

– Какими средствами? – переспросил, свирепея, Анискин.

– Не могу знать, товарищ капитан.

– Ты что, в самом деле?! – взорвался Анискин. – Я тебя для чего туда посылал, чтобы тебя запирали или чтобы ты службу нёс?!

– Так точно, товарищ капитан!

– Что «так точно»?

– Чтобы я оказал помощь гражданскому населению.

– Так вот и оказывай её... до утра! – и, вконец осатаневший, Анискин бросил трубку.

Обиженный и злой, Паша, отойдя подальше, со всего разгона саданул в дверь плечом. Он не знал, что Наталья уже убрала бревно, чтобы они не сидели там до утра.

...Поскольку этот рассказ могут прочитать и девочки, я не буду приводить здесь то, что сказал Анискин, когда в его комнате вновь зазвонил телефон и взволнованный голос Анатолия Трифоновича сообщил, что его помощник слегка расшибся, выйдя в открытую дверь и открыв закрытую калитку...